
М. В. Шкаровский

Храмы Смоленского кладбища Санкт-Петербурга в 1917–1940 гг.

УДК 271.2-523-9(470.23-25)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_343
EDN LSMLTE

Аннотация: Одним из важных духовных центров Санкт-Петербурга с XIX в. было Смоленское кладбище, что особенно ярко проявилось в советский период. К 1917 г. на кладбище существовали три церкви и особо почитаемая верующими часовня над могилой блж. Ксении Петербургской. После начала обновленческого раскола, с 1922 г., около пяти лет за них шла упорная борьба с раскольниками-обновленцами, пока при прямой поддержке советских властей последние не захватили все храмы. В ходе антирелигиозных гонений в начале 1930-х гг. были закрыты Воскресенская и Троицкая церкви. Оставшиеся Смоленская церковь и часовня Ксении Блаженной оказались закрыты одними из последних в городе – в сентябре 1940 г., накануне начала Великой Отечественной войны, но уже в 1946 г. советские власти были вынуждены разрешить их открытие и возвращение верующим. Статья подготовлена на основе значительного комплекса ранее не введенных в научный оборот архивных документов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Санкт-Петербург, Смоленское кладбище, часовня Ксении Блаженной, советская религиозная политика, обновленческий раскол.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: shkarovs@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Для цитирования: Шкаровский М. В. Храмы Смоленского кладбища Санкт-Петербурга в 1917–1940 гг. // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 343–361.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 03.03.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2023

Mikhail V. Shkarovsky

Churches of the Smolensk Cemetery of St. Petersburg in 1917–1940

UDK 271.2-523-9(470.23-25)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_343
EDN LSMLTE

Abstract: One of the important spiritual centers of St. Petersburg since the XIX century was the Smolensk cemetery, which was especially pronounced in the Soviet period. By 1917, there were three churches in the cemetery and a chapel over the grave of Blessed Xenia of St. Petersburg, especially revered by believers. After the beginning of the Renovatianist schism, since 1922, for about five years, there was a stubborn struggle for them against the schismatics, until, with the direct support of the Soviet authorities, the latter seized all the churches. During the anti-religious persecution in the early 1930s, the Resurrection and Trinity churches were closed. The remaining Smolensk Church and the chapel of Xenia the Blessed were closed among the last in the city – in September 1940, on the eve of the outbreak of the Great Patriotic War, but already in 1946 the Soviet authorities were forced to allow their opening and return to the faithful. The article is prepared on the basis of a significant set of archival documents not previously introduced into scholarly discourse.

Keywords: Russian Orthodox Church, St. Petersburg, Smolensk cemetery, chapel of Xenia the Blessed, Soviet religious policy, Renovatianist schism.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Chief Archivist at the Central State Archive of Saint Petersburg, Professor at the Department of Church history of the Saint Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

For citation: Shkarovsky M. V. Churches of the Smolensk Cemetery of St. Petersburg in 1917–1940. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 3, pp. 343–361.

The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Одним из важных духовных центров Санкт-Петербурга с XIX в. было Смоленское кладбище, на котором к 1917 г. существовали три церкви и особо почитаемая верующими часовня над могилой знаменитой блаженной Ксении Петербургской, 35-летие прославления которой отмечается в 2023 г.

Октябрьский переворот 1917 г. и установление советской власти послужили началом новой, тяжелой и трагичной главы в истории храмов Смоленского кладбища. Уже через несколько дней после Октябрьского восстания в северной части кладбища похоронили юнкеров Павловского училища, погибших 27 октября / 9 ноября 1917 г. при подавлении восстания в Петрограде, поднятого против власти большевиков (эта могила сохранилась). Их отпевание совершили священники Смоленской церкви.

Через год после этих событий началась фактическая национализация церковного имущества. В 1918 г. Смоленское кладбище перешло в ведение Комиссариата городских хозяйств Союза коммун Северной области. 1 февраля 1919 г. назначенный советскими властями комиссар Смоленского кладбища Костылев изъял все церковные сберкнижки и банковские документы. Отчуждение церковной земли и строений произошло также в начале этого года, при национализации кладбища. 4 февраля вместо прот. Николая Триодина настоятелем храмов Смоленского кладбища был назначен известный в епархии пастырь прот. Алексей Западалов, а новым делопроизводителем кладбищенской администрации стал опытный прот. Алексей Абакумов. Через два месяца Ликвидационная комиссия по отделению Церкви от государства потребовала предоставить финансовые документы, а также полную опись имущества храмов кладбища. В ответ о. Алексей написал 6 апреля об отсутствии у него уже изъятых банковских документов, а 9 апреля — о задержке предоставления описей в связи со сменой в феврале 1919 г. настоятеля (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 1–3).

В следующем месяце описи всего имущества, в том числе церковей 108-го и 109-го эвакогоспиталей, сданного к 1919 г. в храмы кладбища, были предоставлены. 18 мая в соответствии с требованиями властей был избран приходской совет — так называемая двадцатка (распорядительный орган церковной общины, состоявший, по советским законам, как минимум из 20 человек) во главе с настоятелем. 26 мая произошло заключение первого договора с представителем райисполкома о передаче церковных зданий в аренду общине верующих, в бесплатное и бессрочное пользование, которое в действительности оказалось не бесплатным и не бессрочным. К числу указанных в договоре зданий относились три церкви и шесть часовен. В договоре, подписанном о. Алексием и 39 прихожанами, особо оговаривалось, что в богослужебных помещениях «не будет происходить собраний, проповедей и речей, враждебных советской власти» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 7–82). К этому времени все благотворительные заведения при храмах кладбища уже были ликвидированы.

3 августа в члены причта был принят диак. Иоанн Порожецкий. 28 сентября была выбрана исполнительная комиссия приходского совета из девяти человек: председатель о. Алексей Западалов, протт. Николай Триодин, Василий Клярковский, Алексей Измайлов и пятеро мирян. 23 октября 1919 г. о. Алексей Западалов сообщил в отдел юстиции Петроградского совета о финансовом положении прихода и переслал финансовый отчет за октябрь 1918 — сентябрь 1919 гг. (доход составил 870541 руб., расход — 732031 руб.), а 26 ноября попросил вернуть финансовые документы на хранящийся в банке причтовый капитал (101678 руб.) и церковный капитал (100757 руб.). Однако документы не вернули, а весь капитал вскоре поступил в казну. Тогда же власти изъяли из церковного архива метрические книги и документы по захоронениям за 1825–1918 гг. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 7, 209, 492).

2 ноября 1919 г. приходское собрание приняло решение о проведении 9 ноября празднования 10-летия народного хора Смоленской церкви. 7 декабря собрание постановило изготовить печи для обогрева часовни Ксении Блаженной. 15 января 1920 г. в состав причта был принят свящ. Николай Тихомиров. 6 февраля богослужение по случаю памяти Ксении Блаженной в Смоленской церкви совершил в день 10-летия

своей архиерейской хиротонии священномученик митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 115, 118, 127).

В марте на Пасхальной неделе владыка Вениамин совершил богослужение в Воскресенском храме, при этом регент Яков Ефимов был посвящен в стихарь. 21 марта приходское собрание поручило едущему в Москву члену двадцатки И. И. Орехову передать благопожелание Святейшему Патриарху Тихону и заслушало сообщение о преподавании членами причта Закона Божия детям прихожан (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 128).

26 июля 1920 г. приходское собрание постановило просить райисполком освободить призванных на трудовую повинность свящ. Константина Банникова и свящ. Михаила Любомирова, так как они «необходимы для обслуживания нужд прихода». На престольный праздник Смоленской иконы Божией Матери в церкви снова служил митр. Вениамин (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 133).

3 октября по требованию властей был переизбран состав приходского совета с тем условием, чтобы духовенство составляло не более трети его членов. Всего выбрали 21 человека, в том числе шесть священнослужителей: в его состав вошли протт. Николай Триодин, Василий Кляровский, Евгений Рахманин, свящц. Константин Банников, Павел Фруктовский и Николай Тихомиров. Также были выбраны уполномоченные перед советскими властями о возврате реквизированных приходских денег и деревянного масла (вернуть их так и не удалось). Кроме того, собрание постановило произвести сбор вещами и деньгами для помощи Западному фронту (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 137).

12 октября 1920 г. причт кладбища отправил ходатайство в отдел юстиции Петровета о выдаче разрешения на изготовление печати и 21 октября получил такое разрешение. 2 декабря в Смоленской церкви богослужение по случаю приглашения в храм чтимой иконы Божией Матери «Утоли моя печали» совершил епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников). В этот же день он рукоположил во священника диака. Петра Петропавловского (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 310).

В июле 1921 г. в Исаакиевском кафедральном соборе был рукоположен в сан священника член приходского совета Смоленской церкви с мая 1919 г., племянник священномученика митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) Стефан Зинкевич — будущий страдалец за веру Христову еп. Сергей. С этого времени он был членом причта Смоленского кладбища, а к марту 1922 г. и его церковным старостой.

10 августа 1921 г. о. Алексей Западалов отпел в церкви Воскресения Христова Смоленского кладбища Александра Блока. Протоиерей руководил и всей церемонией похорон великого поэта, проститься с которым пришли около полутора тысяч человек. Среди провожавших Блока в последний путь были известные писатели, поэты, актеры и художники: А. Белый, А. М. Ремизов, М. А. Кузмин, Ф. К. Сологуб, К. А. Сомов, Е. И. Замятин, Р. В. Иванов-Разумник, О. Д. Форш, М. С. Шагинян, А. А. Мейер, П. Е. Щеголев, Л. Д. Менделеева-Блок и другие известные деятели российской культуры. Многие встретились здесь между собою в последний раз, многие посетили часовню Ксении Блаженной.

У Александра Блока на Смоленском кладбище было много родственных могил. Здесь под «бекетовским» кленом в 1902 г. были похоронены дед и бабушка поэта: ректор Санкт-Петербургского университета академик А. Н. Бекетов и его Е. Г. Бекетова. Через два года после Блока тут же похоронили его мать, А. А. Кублицкую-Пиотух, а в 1939 г. — тетю и биографа поэта М. А. Бекетову. Похороны Блока на Смоленском кладбище были восприняты современниками как печально-торжественный эпилог всего петербургского периода русской истории [Большакова, 2009, 58–59].

В конце 1921 г. на посту настоятеля о. Алексея Западалова снова сменил прот. Николай Триодин. Вероятно, это было связано с тем, что о. Алексей стал проректором, а в начале 1922 г. и ректором Василеостровских богословских курсов [Бовкало, 1998, 547].

В 1922 г. произошли значительные изменения в положении всей Русской Церкви, и особенно трагически они проявились в Петрограде. Резко изменилась и дальнейшая судьба храмов Смоленского кладбища. Ситуация, значительно облегчившая властям

наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. Подготовительная работа для решительного наступления на Церковь началась еще во 2-й пол. 1921 г. Именно в этой связи следует рассматривать запрещение в декабре 1921 г. священнослужителям Смоленского кладбища (как и других храмов города) устраивать без специального разрешения «сборища помимо церковных служб», о чем с них были взяты расписки.

В январе 1922 г. священнослужители были вынуждены написать расписку с обязательством и богослужения совершать только с разрешения заведующего церковным столом. В марте 1922 г. по требованию властей в церковный стол была передана инвентарная опись имущества, а в апреле предоставлены регистрационные анкеты членов приходского совета; председателем двадцатки к этому времени стал прот. Алексей Абакумов. Следует упомянуть, что в ночь на 25 февраля из храмов кладбища было похищено несколько предметов из драгоценных металлов.

На приходском собрании 5 марта обсуждались ремонты крыш Смоленской, Воскресенской церквей и двух часовен, а также открытие особого зала приходского совета и проведение в нем ежесубботних и праздничных собеседований на религиозные темы и занятий с детьми Законом Божиим. Правда, вскоре двадцаткой было получено предписание в двухнедельный срок прекратить занятия в помещении храма и частных домах с детьми до 18-летнего возраста. В том же месяце регент Иаков Ефимов был рукоположен в сан диакона, настоятель прот. Николай Тригодин награжден митрой, а свящ. Стефан Зинкевич — набедренником. Кроме того, в приход Смоленского кладбища привезли для поклонения чтимую икону свт. Николая Чудотворца из г. Колпино. Она побывала не только в храмах, но и, по записи, у прихожан на дому (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 141).

С апреля 1922 г. в Петрограде началась широкомасштабная кампания по изъятию церковных ценностей. Изъятие части ценностей из храмов Смоленского кладбища произошло 26–28 апреля, 4, 6, 13 мая и 1 июня — несколько десятков серебряных риз с икон, Евангелий в дорогих переплетах, серебряных лампад, ковшиков, потиров, кубков, дарохранилищ и других предметов, полученных храмом в качестве даров от различных жертвователей, общим весом несколько десятков килограммов, вывезли в Гохран и Помгол. Серебряные предметы оформлялись и как ценные ювелирные изделия, и как «серебро-лом». Некоторые вещи передали в музеи. Значительная часть ценностей была выкуплена прихожанами. За несколько дней они собрали сотни серебряных предметов — ножи, вилки, ложки, кувшины и т. п., и внесли в качестве выкупа почти три пуда серебра. Многие святыни были спасены от уничтожения (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 320).

В конце апреля началось следствие по уголовному делу «О сокрытии церковных ценностей». Хотя изъятие ценностей из храмов Смоленского кладбища прошло относительно спокойно, 24 апреля был арестован их церковный староста, член правления Общества православных приходов Петрограда и губернии свящ. Стефан Зинкевич.

Казалось, изъятие церковных ценностей в Петрограде почти завершилось, ситуация в городе стабилизировалась и нет никакой необходимости подвергать духовенство новым репрессиям. Но в мае 1922 г. государственные структуры организовали так называемый обновленческий раскол. Митрополит Вениамин категорически отверг обновленцев и 28 мая в своем послании к пастве отлучил от Церкви руководителей раскола. После нескольких неудачных попыток убедить владыку отменить послание его арестовали (незадолго до своего ареста митрополит служил обедню на Радоницу в Смоленской церкви). Срочно стал готовиться судебный процесс. Всего по обвинению в противодействии изъятию ценностей в разных храмах Петрограда было арестовано несколько сотен человек, из них 86 предстали в качестве обвиняемых на открывшемся 10 июня судебном процессе, в том числе о. Стефан Зинкевич. Он обвинялся в агитации против изъятия церковных ценностей.

5 июля 1922 г. Петроградский губернский революционный трибунал вынес свой приговор: 10 человек — к расстрелу, большая часть — к тюремному заключению

или принудительным работам, 22 человека (среди них о. Стефан) были оправданы. Затем шестерых из приговоренных к смертной казни помиловал ВЦИК, а четверо, в том числе митр. Вениамин, были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа. Священник Стефан Зинкевич оказался освобожден в середине июля, на Смоленское кладбище он уже не вернулся и до ноября 1927 г. был приписан к Николо-Богоявленскому собору [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 197].

Майские аресты 1922 г., охватившие основную часть епархиального руководства, временно подорвали сопротивление обновленцам в Петрограде. Узурпаторы церковной власти 28 июня 1922 г. сформировали свое Петроградское Епархиальное управление (ПЕУ). Пытаясь привести в повиновение духовенство, оно увольняло из храмов оппозиционных священников и назначало на их места своих сторонников. Кроме того, ПЕУ потребовало в семидневный срок внести 10 процентов от доходов всех церквей за 1-ю пол. 1922 г. Все это вызвало возмущение верующих, и они ответили массовым сопротивлением.

Состоявшееся 31 июля приходское собрание храмов Смоленского кладбища, заслушав циркуляр ПЕУ от 7 июля, выразило протест, так как согласно циркуляру ведение церковным хозяйством передавалось от приходского совета причту. Отказалось собрание и внести 10 процентов от всех доходов, ограничившись относительно небольшой по тем временам суммой в 20 млн руб. По требованию властей настоятель в августе представил справку о наличии в церквях кладбища 12 колоколов, общим весом 487 пудов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 175, 179).

На 1 сентября причт храмов Смоленского кладбища состоял из 17 человек — протоиереи: Николай Триодин, Иоанн Полканов, Алексей Абакумов, Алексей Запаладов, Василий Кляровский, Евгений Рахманин, Алексей Измайлов, Николай Тихомиров, Константин Банников, Павел Фруктовский; священники: Сергей Поспелов, Михаил Любомиров, Петр Петропавловский; диаконы: Владимир Керский, Иаков Ефимов, Иоанн Порожецкий, и псаломщик Сергей Павинский (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 198). На посту регента о. Иакова вскоре сменил Ф. К. Федосов.

Православное духовенство и миряне пытались бороться с обновленцами по всей стране. Но первой, в конце августа 1922 г., оформилась Петроградская автокефалия, не признававшая власть обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ). Возглавляли ее еп. Алексей (Симанский) и еп. Николай (Ярушевич), наместник Александро-Невской лавры (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 22. Л. 3–3 об.).

Вошли в Петроградскую автокефалию и храмы Смоленского кладбища, в которых неоднократно совершал богослужения еп. Николай, в частности 6 февраля 1923 г. — в день памяти Ксении Блаженной. 22 декабря 1922 г. в Смоленский храм передали имущество из закрытой церкви св. Спиридона лейб-гвардии Финляндского полка, но при этом власти изъяли несколько серебряных предметов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 200, 206).

Существование Петроградской автокефалии вызывало у советских властей все более сильную тревогу. 10 февраля 1923 г. еп. Николай (Ярушевич) был арестован, вместе с ним арестовали и ближайших сподвижников (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-10202). Лишенная руководителей, под репрессивными ударами Петроградская автокефалия начала распадаться. Весной 1923 г. почти все храмы Петрограда, в том числе в марте и на Смоленском кладбище, были захвачены обновленцами.

Приходское собрание 25 марта, проходившее под председательством настоятеля о. Николая Триодина, избрало 17 делегатов на благочинническое собрание для выборов делегатов на обновленческий Епархиальный съезд и так называемый II Всероссийский Поместный Собор. На престольный праздник 27 и 28 июля в Смоленской церкви совершил богослужения обновленческий «архиепископ Петроградский» Артемий (Ильинский). В этот период, в связи с ростом преступности в Петрограде, в храмах кладбища неоднократно происходили ограбления. 13 июня 1923 г. двадцатка даже подала ходатайство в отдел управления райисполкома о разрешении приобрести оружие для охраны (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 208, 233, 237).

После освобождения 27 июня 1923 г. из-под ареста св. патр. Тихона влияние обновленцев стало быстро падать. Так, на собрании 9 сентября товарищ председателя приходского совета И. А. Орехов заявил о непризнании ПЕУ, и присутствовавший при этом благочинный прот. Николай Радоницкий заставил его покинуть собрание. На приходском собрании 23 сентября, согласно распоряжению ПЕУ от 31 августа, в состав совета был введен весь причт в количестве 17 человек (вместо прежних семи священнослужителей), и к ним доизбрали в равной пропорции 17 мирян, исключив Орехова. На следующем собрании 6 октября, при выборе делегатов на обновленческий Епархиальный съезд, прот. Алексей Абакумов отказался от поста председателя приходского совета, также был избран исполнительный комитет из пяти мирян и пяти членов причта. 28 октября прихожане выбрали новым председателем совета преподавателя Н. К. Чепурина, товарищем председателя — прот. Николая Тихомирова, а кандидатами на эти посты — прот. Алексея Западалова и прот. Константина Банникова (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 238, 242, 248, 254).

К этому времени ситуация в Петрограде изменилась. 23 сентября в Москве состоялась хиротония св. патр. Тихоном архим. Мануила (Лемешевского) во епископа Лужского с правом управления. Сразу же после его приезда в Северную столицу здесь развернулась активная борьба с обновленчеством. Десятки приходо вновь переходили в каноническую Русскую Церковь. 4 ноября 1923 г. и приходской совет храмов Смоленского кладбища постановил избрать «своим законным епископом» владыку Мануила (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 257).

Этот факт вызвал сильную тревогу обновленцев, которые стали просить прямого вмешательства советских властей, обвиняя своих противников в контрреволюционной деятельности. Уже 9 ноября отдел управления Василеостровского райисполкома написал приходскому совету о необходимости исключить из него всех членов причта. По этому требованию 8 ноября священнослужители были выведены из состава двадцатки, а 11 ноября вместо них выбрали новых членов — мирян. Однако это не помогло обновленцам. Когда 18 ноября двадцатка в связи со смертью диака. Иакова Ефимова пригласила служить на его место протодиака. Г. Говорова, она решила утвердить приглашение у епископа Лужского. А 4 декабря владыка Мануил совершил богослужение в Смоленской церкви (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 258–259, 265, 267).

Через несколько дней обновленческий настоятель Благовещенской церкви прот. А. Нименский передал в отдел управления Василеостровского райисполкома докладную записку о «незаконных действиях» причта Смоленских кладбищенских церквей, в которой говорилось: «...сообщаю, что при попустительстве двадцатки того же кладбища прот. А. Западаловым 11/24 ноября с церковной кафедры на Смоленском кладбище был произведен призыв к натравливанию одной части населения на другую... 2 декабря свящ. П. Тимонов с церковной кафедры смоленского кладбища натравливал толпу на борьбу с прот. Красницким, архиепископом Александром Введенским, епископом М. Поповым, прот. Белковым и вообще с обновленцами и призывал толпу, в которой были служащие советских учреждений и рабочие, праздновать Рождество Христово по старому стилю 7 января 1924 г., т. е. к забастовке в этот рабочий день... Вышеуказанные факты свидетельствуют о нарушении двадцаткой Смоленского кладбища договора о принятии церковного имущества и зданий в арендное пользование и положения о городских кладбищах § 2 и 9 и могут служить поводом к расторжению договора» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 277–277 об.). К записке был приложен список желавших войти в новую двадцатку 24 обновленцев.

Этот донос оказал свое воздействие, и уже 11 декабря президиум Василеостровского райисполкома принял решение о роспуске тихоновской двадцатки и расторжении договора с ней. 18 декабря райисполком известил об этом ее председателя Н. К. Чепурина и одновременно сообщил одной из ближайших помощниц обновленческого благочинного прот. Николая Платонова А. И. Тележкиной, что ей поручено сформировать новую двадцатку из указанных Нименским лиц. В этот список в основном вошли

лица из обновленческих приходских советов других храмов Васильевского острова, в том числе и жена Платонова (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 269–270).

Однако тихоновская двадцатка не захотела подчиниться и 26 декабря решила обжаловать постановление о своем роспуске в райисполкоме и губернской прокуратуре, при этом выделить для «отколовшихся от Православия» (то есть обновленцев) Троицкую церковь. Эти меры позволили отсрочить исполнение решения от 11 декабря, и все храмы Смоленского кладбища еще несколько месяцев оставались у тихоновцев (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 276).

В начале января 1924 г. приходской совет церковей Смоленского кладбища отправил в райисполком отчет о своей работе за 1923 г. в котором говорилось: «Хозяйственная деятельность двадцатки приходского совета выразилась в ведении церковно-кладбищенского хозяйства вообще, покрытии текущих расходов и ремонтных работах по принятым в пользование храмам... Вообще в смысле ремонта минувший год следует признать весьма и весьма удачным. Означенный ремонт стоил крупных денег и обошелся в 924 руб. 40 коп. золотом. Оборотные средства поступали главным образом от продажи свечей и конторы... Всего же, как значится в прилагаемой к отчету ведомости, поступлений в приходе было 2568 242 руб. 16 коп. или 5554 руб. 30 коп. золотом... Общий годовой расход выразился в сумме 2557 422 руб. 90 коп. или 5533 руб. 70 коп. золотом. Таким образом, отчетный год закончен без дефицита» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 279–280).

4 января 1924 г. собрание двадцатки под угрозой расторжения договора было вынуждено принять к сведению распоряжение Наркомата юстиции о запрещении поминать патр. Тихона и других лиц, осужденных за антисоветскую деятельность и находящихся под судом и следствием. При этом с благословения еп. Мануила была введена общая формула их поминовения (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 203).

Не желая допустить полного поражения обновленчества, органы советской власти вновь стали оказывать ему активную поддержку. В ночь со 2 на 3 февраля 1924 г. в Ленинграде были арестованы и в дальнейшем осуждены несколько десятков человек — еп. Мануил (уже намечавший свое богослужение 6 февраля, в день памяти Ксении Блаженной) и его ближайшие помощники в борьбе с обновленчеством. Им приписывалось участие в «тайной антисоветской организации Спасское братство». По этому делу 3 февраля был арестован и наиболее активный в борьбе с обновленцами из причта Смоленского кладбища о. Алексей Западалов. Правда, доказать его вину органам следствия не удалось, и 17 февраля протоиерей вышел на свободу (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82582. Т. 1. Л. 1–8).

Репрессии не изменили позицию членов причта и приходского совета храмов Смоленского кладбища, 2 марта они даже, ввиду ареста еп. Мануила, избрали почетным настоятелем нового канонического управляющего Ленинградской епархией епископа Кронштадтского Венедикта (Плотникова). На этом же собрании 2 марта двадцатка вместо умершего протоиак. Г. Говорова пригласила служить диак. Павла Федосеева и решила зачислить вне штата для службы на Смоленском кладбище четырех уважаемых в городе пастырей, изгнанных обновленцами из их храмов: прот. Павла Тимонова, Андрея Нумерова, Быстреевского и Альбова (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 311).

Это «переполнило чашу терпения» властей, и 22 марта 1924 г. Президиум Ленинградского губисполкома принял постановление о расторжении договора с двадцаткой, так как она якобы «вела враждебную Советской власти агитацию и своими действиями вызвала ряд недопустимых эксцессов». 4 апреля власти сообщили о принятом решении приходскому совету, запретив проведение намеченного на 7 апреля в Смоленской церкви богослужения еп. Венедикта (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 317–319).

7 апреля секретарь обновленческого Ленинградского Епархиального управления (ЛЕУ) и благочинный храмов Василеостровского района прот. Н. Платонов в своем письме в райсовет предложил распустить существующую тихоновскую двадцатку и передать храмы Смоленского кладбища новому приходскому совету, список членов

которого он приложил к письму. Эта акция и была проведена 12 апреля в присутствии о. Н. Платонова и назначенного ЛЕУ настоятелем храмов Смоленского кладбища прот. Константина Банникова. Через два дня обновленческая двадцатка известила об увольнении всех членов прежнего причта, кроме о. Константина (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 321).

13 апреля новая двадцатка провела свое первое заседание в часовне Василеостровской Благовещенской церкви. Председателем приходского совета был избран А. И. Исаенко, церковным старостой временно оставлен П. Ф. Горячев, штат причта утвердили из шести священников, одного диакона и двух псаломщиков, в помощь настоятелю о. Константину Банникову пригласили двух обновленцев: прот. Петра Масленикова и свящ. Феодора Голубева. Членам бывшего причта дали возможность подать заявление о «вступлении в обновленческую группу» после 15 апреля. В этот же день, 13 апреля, был подписан договор о передаче храмов новой группе верующих (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 331).

29 и 30 апреля богослужения в храмах Смоленского кладбища совершил обновленческий «митрополит Ленинградский» Вениамин (Муратовский). К этому времени несколько членов старого причта перешли к обновленцам: протт. Алексей Абакумов, Евгений Рахманин, Павел Фруктовский, Алексей Измайлов и диак. Иоанн Порожецкий. 12 мая двадцатка обратилась в райисполком с просьбой изъять у прежнего состава причта, не перешедшего к обновленцам, богослужebное имущество, указав девять человек: протт. Николая Триодина, Иоанна Полканова, Алексея Западалова, Василия Кляровского, Николая Тихомирова, свящц. Сергия Пospelова, Михаила Любомирова, Петра Петропавловского, протодиака. Владимира Керского. 13 мая Василеостровский райисполком издал соответствующее распоряжение (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 364).

Сохранившие верность св. патр. Тихону священнослужители и их духовные дети начали активно бороться за возвращение им хотя бы одной из трех кладбищенских церквей. Поскольку все обращения к городскому руководству оказались безрезультатными, делегация верующих ездила в Москву и смогла добиться там положительной резолюции на свое ходатайство со стороны секретаря ВЦИК П. Сидовича. Получив эту резолюцию 25 июня, Василеостровский райисполком наметил предоставить прихожанам-тихоновцам (староцерковникам) Троицкую церковь. В связи с этим они 8 июля 1924 г. обратились в райисполком с ходатайством выделить им значительно большую по размерам Воскресенскую церковь, так как их насчитывается свыше 1200 человек. На следующий день президиум райисполкома постановил удовлетворить это ходатайство (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 391–393).

Узнав об этом, члены обновленческой двадцатки 9 июля написали в Ленгубисполком своего рода политический донос, в котором говорилось: «Осведомившись из сообщения т. Тихомирова, переданного члену 20-ки Смоленского кладбища А. Тележкиной, о предстоящей передаче одного из храмов кладбища в пользование и хозяйственное управление особой группе верующих... пленарное собрание 20-ки настоящим ходатайствует о приостановлении исполнения означенного решения, о чем телеграфно возбуждено ходатайство перед ВЦИК. Это ходатайство вызвано нижеследующими соображениями: 1. Никаких поводов к выделению одного из храмов особой группе верующих не существует, т.к. 20-ка Смоленского кладбища никогда не препятствовала и не препятствует членам православного культа при участии любых священнослужителей отпевать своих родных на любом из храмов кладбища на общих для всех основаниях... <...>

4. Церковь на кладбище им нужна не для покойников, т.к. последних никто не мешает отпевать, а для сплочения в этом центре, посещаемом из всех районов Ленинграда тех элементов, духовные руководители которых оказались весьма серьезно замешанными в политические авантюры: из Благовещенского прихода — группы высланного прот. В. Сокольского, из Екатерининского — группы находящегося под судом свящ. М. Яворского, реакционеров, исключенных из обновленческого прихода Андреевского собора и единомышленников прежнего состава 20-ки, признавшей

своей главой еп. Мануила (Лемешевского). Нынешняя 20-ка, стоя на почве декрета об отделении церкви от государства, отмечает, что создание такого центра грозит новой смутой в районе Васильевского острова, и возвращением к активной церковной работе (м.б. через подставных лиц в образуемой 20-ке) групп, признанных политически неблагонадежными... <...>

6. Передача одного из храмов группе лиц из числа „тихоновцев“, вносящей расстройство и смуту в налаживающуюся после очищения от контрреволюционных элементов церковную жизнь В. О., не имеет для себя почвы еще и потому, что в этом же районе имеются три „тихоновских“ храма... что вполне даже с избытком достаточно для обслуживания религиозных нужд имеющейся на В. О. группы „тихоновцев“, если бы последние не были заинтересованы в политической (по существу) „победе“ своей над губисполкомом, демонстрацией чего явится передача им храма на Смоленском кладбище» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 394–394 об.).

В тот же день, 9 июля, обновленческая двадцатка подала ходатайство в райисполком о приостановлении решения о передаче одного из храмов кладбища двадцатке «тихоновцев» до разрешения жалобы в Президиуме ВЦИК, куда будет послана отдельная делегация. Первоначально райисполком решил не менять свое постановление и 19 июля известил обновленцев, что передача Воскресенского храма староцерковной группе состоится 21 июля. Однако обновленческая двадцатка 17 июля отправила еще одно ходатайство в Ленгубисполком, где имела влиятельных покровителей, и 20 июля попросила районные власти отсрочить проведение передачи до разрешения вопроса в губисполкоме. В итоге райисполком 21 июля сообщил всем заинтересованным сторонам, что передача Воскресенского храма «временно отложена» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 397–400).

Окончательное решение вопроса затянулось. 20 августа в часовне Благовещенской церкви состоялся очередное заседание приходского совета, на котором выбрали новый президиум из пяти членов и заслушали доклад об успешной поездке делегации в Москву. Входившие в состав делегации прот. Константин Банников и двое мирян привезли резолюцию Смидовича о передаче решения дела в Ленгубисполком, что обновленцев вполне устраивало (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 404).

В августе председатель старой двадцатки Н. К. Чепурин провел собрание сформированного им «Православного свободного христианского общества», которое подало новое ходатайство о передаче ему Воскресенского храма, однако отношением административного отдела губисполкома от 14 октября новой группе было отказано. Решением от 1 ноября 1924 г. Ленгубисполком окончательно оставил все кладбищенские храмы обновленцам.

3 сентября были отчислены из состава причта прот. Петр Масленников и диак. Николай Алексеев, 6 ноября принят в штат прот. Иоанн Громов. На собрании двадцатки 6 ноября церковным старостой был выбран А. И. Исаенко, а председателем приходского совета — вместо него ездивший в Москву И. Е. Балашев (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 447–450). В опросном листе храмов Смоленского кладбища за 1924 г. отмечалось, что число верующих в общине составляет 850 человек. За год было проведено 48 крещений, 22 венчания и 2153 отпевания. Посещаемость богослужения составляла от 50 до тысячи человек, имелось семь членов причта и хор певчих, занятий с детьми Законом Божиим уже не проводилось (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 497).

Весной 1925 г. группа староцерковников подала новое ходатайство во ВЦИК о передаче им одного из храмов кладбища, однако 23 апреля секретариат Президиума ВЦИК ответил, что дело по этому вопросу считается законченным и новому рассмотрению не подлежит. 4 мая административный отдел Ленгубисполкома известил райисполком об отклонении ходатайства староцерковников (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 454).

5 мая Ленгубисполком расторгнул договор с двадцаткой Василеостровской Благовещенской церкви, шесть членов которой одновременно состояли и в приходском совете Смоленского кладбища. К 25 мая их исключили и из Смоленской двадцатки.

При этом возникли проблемы: так, 5 июня И. Е. Балашев жаловался в райисполком, что прежние староста и казначей не сдают деньги. В этот же день собрание поредешней двадцатки, проходившее в новом помещении на Камской ул., д. 14, кв. 1, возложило обязанности казначея на П. Ф. Горячева. К маю в состав причта были приняты протодиак. Феодор Остапов и диак. Вениамин Кошелев (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 470, 481–482).

1 сентября 1925 г. возглавляемая Н. К. Чепуриным и прот. Алексием Западаловым группа староцерковников написала еще одно ходатайство в Президиум Ленгубисполкома о передаче им Воскресенской церкви, указав на хищения церковного имущества и другие нарушения со стороны обновленцев. На запрос административного отдела от 5 сентября райисполком в ответе 18 сентября отверг все обвинения, при этом отмечалось, что в приходской совет Смоленского кладбища действительно входят члены других двадцаток (Андреевского собора, Екатерининской церкви и др.), но Смоленские церкви обслуживают весь район и материально помогают другим приходом. 20 сентября административный отдел известил староцерковную группу об отклонении ее ходатайства (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 487, 500). А 31 октября и Президиум Ленгубисполкома постановил отклонить ходатайство группы староцерковников (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 96. Л. 7).

5 октября 1925 г. церковную библиотеку Смоленского кладбища осмотрели представители Политконтроля и изъяли часть литературы, 11 ноября библиотеку, которая тогда насчитывала около трех тысяч книг, опечатали сотрудники Государственного книжного фонда. В это время на посту настоятеля кладбищенских храмов прот. Константина Банникова сменил о. Алексей Абакумов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 492).

Осенью 1926 г. верующие Московского Патриархата предприняли еще одну попытку вернуть себе один из храмов Смоленского кладбища. Они образовали возможную двадцатку из 24 человек во главе с рабочим Н. А. Антоновым и даже прислали в райисполком выписки на них из домовых книг. В заявлении этой группы от 29 сентября говорилось, что одна обновленческая двадцатка использует три храма и три часовни, хотя по советским законам каждая церковь должна иметь свою отдельную двадцатку. В ходатайстве также отмечалось, что Воскресенский и Троицкий храмы не отапливаются, в результате чего портятся иконы (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 516).

Группе староцерковников в очередной раз отказали (окончательно 22 октября), однако на замечание о нарушении советских законов власти были вынуждены отреагировать. Заведующий отделом регистрации обществ и союзов известил президиум райсовета о том, что со стороны административного отдела будет предложено создание двадцаток для каждой из трех церквей и часовни Ксении Блаженной. В результате 1 октября президиум райсовета вынес заключение о необходимости отдельных двадцаток для каждой из церквей кладбища. Уже 2 октября И. Е. Балашев представил списки четырех групп верующих, желавших взять в пользование храмы, а 4 октября райисполком утвердил новые обновленческие двадцатки (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 517–523).

24 октября 1926 г. состоялось общее собрание членов двадцаток церквей Смоленского кладбища (всего 71 человек), которых разделили на четыре самостоятельные группы для регистрации при каждом храме. От групп выбрали по одному уполномоченному, и 14 ноября заседание их расширенного пленума учредило Центральное бюро объединенных двадцаток для совместного решения хозяйственных вопросов. 20 декабря 1926 г. произошло и разделение причта. В Смоленской церкви стали служить протт. Алексей Абакумов (настоятель), Константин Банников, Алексей Измайлов и протодиак. Феодор Остапов, в Воскресенском храме — протт. Евгений Рахманин (настоятель), Николай Радоницкий и диак. Иоанн Порожецкий, в Свято-Троицкой церкви — прот. Иоанн Громов (настоятель), в часовне Ксении Блаженной — прот. Павел Фруктовский (настоятель). После этого были подписаны отдельные договоры на пользование верующими каждым из четырех храмов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 531–535, 550).

При этом и обновленцы, и бывшие члены причта Смоленской церкви, сохранившие верность Московскому Патриархату: протт. Николай Триодин, Василий Кляровский и др., в кон. 1920-х — 1-й пол. 1930-х гг. проживали в бывших церковных домах (Камская ул., д. 14, 20, 24; 17-я линия В. О., д. 70) и числились т. н. лишенцами, то есть лишенными избирательных прав (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 85. Л. 531–535, 550).

Последнее заявление от староцерковной группы верующих (Екатерининской общины) передать ей один из храмов последовало 14 октября 1927 г., но президиум Василеостровского райсовета решением от 3 ноября того же года ответил отказом (ЦГА СПб. Ф. 571. Оп. 1. Д. 10. Л. 56; Д. 32. Л. 11, 42, 71; Д. 47. Л. 3, 9, 18, 31–33; Д. 48. Л. 2, 8–10). Таким образом, все храмы Смоленского кладбища остались за обновленцами. При этом духовенство Московского Патриархата, хотя и не имело своих церквей, беспрепятственно служило молебны и совершало требы на кладбище до середины 1930-х гг.

В конце 1920-х гг. положение общины церквей Смоленского кладбища и членов их причта сильно осложнилось из-за действий органов государственной власти. С 1929 г. в Ленинграде началось массовое закрытие приходских храмов. Эта кампания самым непосредственным образом отразилась на церковной жизни Смоленского кладбища. Первой здесь была закрыта церковь Воскресения Христова. В ноябре Василеостровский райисполком постановил ходатайствовать перед Ленсоветом о ее закрытии и передаче Ленинградскому областному союзу потребительских обществ (ЛСПО) под склад хлебопродуктов. Под давлением советских властей, заслушав предложение райисполкома о предоставлении Воскресенской церкви «для государственных надобностей», собрание бюро уполномоченных двадцаток церквей Смоленского кладбища 2 декабря 1929 г. приняло решение о передаче храма Воскресения Христова государству с тем, чтобы «по миновании надобности» возвратить его обновленческой организации (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 66. Д. 117. Л. 13). 22 декабря последовало соответствующее заключение административного отдела, и 7 января 1930 г. президиум Ленсовета принял постановление о закрытии церкви и передаче ее здания ЛСПО ввиду «добровольного» отказа двадцатки (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 66. Д. 18. Л. 7).

Через несколько дней Воскресенский храм закрыли. Утверждение о «государственных надобностях» оказалось ложным. Получив здание, ЛСПО его так и не использовали «из-за неудобства местоположения», однако никто и не подумал вернуть церковь верующим. 14 апреля 1930 г. отдел коммунального хозяйства Леноблисполкома подал ходатайство в Президиум Ленсовета о разборке церковного здания на кирпичи, так как оно не используется. 10 августа с таким же ходатайством обратился к городским властям и трест коммунального и жилищного строительства «Стройкомхоз». При этом президиум райисполкома еще 15 и 25 июля принял решения о сносе церкви (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 66. Д. 117. Л. 14, 17).

Воскресенский храм спасла относительная близость к нему Горного института. В мае 1930 г. по договору с райжилкоммуналделом пустующее здание церкви было занято коллекциями музея Главного геолого-разведочного управления с устройством стеллажей и т. п. Узнав о решении райисполкома, уполномоченный Наркомата просвещения 8 сентября написал ему, что здание уже используется Институтом горных металлов и предназначено для устройства музея. В тот же день консультант бюро сектора вузов и научных учреждений Ленинградского областного отдела народного образования написал заключение о нецелесообразности разрушения здания Воскресенской церкви. В результате президиум райисполкома 24 сентября отменил свои прежние решения и окончательно закрепил церковь за Главным геолого-разведочным управлением, обязав его провести переоборудование здания по указанию райжилкоммуналдела (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 66. Д. 117. Л. 11–12, 30).

6 октября управление делами Главного геолого-разведочного управления написало в административный отдел Леноблисполкома о том, что здание бывшей церкви занято коллекциями музея управления и используется Институтом горных металлов. 12 октября административный отдел, в свою очередь, сообщил об этом в Президиум Леноблисполкома и Ленсовета, отметив, что в ходатайствах о сносе здания следует

отказать. 15 ноября 1930 г. и Василеостровский райисполком известил о своем решении городские власти (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 66. Д. 117. Л. 10–11, 29). Таким образом, Воскресенский храм был сохранен. 9 апреля 1934 г., согласно акту о проверке выполнения решения Леноблисполкома о закрытии церкви, ее здание использовалось Центральным научно-исследовательским геолого-разведочным институтом, а подвальное помещение — под овощехранилище, при этом уже были снесены все три купола и главка (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 51. Д. 35. Л. 21). Церковные ценности и внутреннее убранство Воскресенского храма были изъяты или уничтожены.

Еще более печальная судьба ждала Троицкую церковь. 9 февраля 1932 г. Комиссия по вопросам культов при Президиуме Леноблисполкома и Ленсовета приняла предварительное решение о ее закрытии и сносе с использованием материала для нужд строительства, так как в районе развернута надстройка малоэтажных зданий, а при разборке этой церкви можно получить 70–80 тыс. кирпичей. Закрытие храма произошло 15 февраля. Окончательное решение о закрытии и сносе Леноблисполком принял 21 февраля 1932 г. (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 51. Д. 35. Л. 53 об.; Оп. 91. Д. 19. Л. 26 об.–27).

Здание Троицкой церкви было передано районному строительно-ремонтному тресту, который в июне начал работы по сносу, однако к октябрю они оказались приостановлены из-за нехватки рабочей силы и транспорта. При этом осталось разобрать остатки стен, фундамент и вывезти строительные материалы. 20 июня 1933 г. заведующий сектора административного надзора отмечал, что Троицкая церковь стоит пустая и работы по ее сносу приостановлены (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20. Л. 35–36). Через несколько месяцев работы по сносу, которые проводили 30–50 человек, были закончены. Полученный материал использовали для надстройки двух этажей д. 14 по Камской ул. В апреле 1934 г. на месте храма Трестом похоронных дел без согласования с Ленсоветом был выстроен павильон для изготовления надгробных раковин, крестов и т. п. (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 51. Д. 35. Л. 22, 53 об.).

Смоленская церковь оставалась действующей до начала 1940-х гг. 28 ноября 1930 г. члены ее общины в количестве 300 человек подали в административный отдел райсовета заявление о перерегистрации своей группы, что и было сделано. 20 мая 1930 г. двадцатка подала районным властям заявление о приеме на учет имевшихся в храме серебряных изделий. В марте 1931 г. в храме служили: протт. Алексей Абакумов (настоятель), Константин Банников, Иоанн Журавлев, свящ. Николай Казанский, протоиерей Павел Тулидов и диак. Фома Попсуевич (с 1929 г.) (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 31–34). В том же году в состав причта были приняты свящ. Николай Алексеев, к 1935 г. возведенный в сан протоиерея, и диак. Гавриил Васильев, рукоположенный в 1935 г. во священника, а в 1932 г. принят прот. Николай Соболев.

Традиция празднования Смоленской иконы Божией Матери в это время сохранялась, хотя советские власти тщательно следили за «религиозной пропагандой». В частности, 10 августа 1931 г., якобы «для пресечения возможных беспорядков», в храмовый праздник на Смоленское кладбище были направлены 82 пешех и шесть конных милиционеров, а также 23 дружинника. В рапорте руководившего нарядом милиции А. Петрова говорилось: «Количество посетителей в этот день на кладбище по грубому счету выражалось свыше 100 000. На каждой могиле без исключения можно было наблюдать группы горожан, расположившихся в виде пикника, пришедших отнюдь не с религиозными намерениями, а с желанием выпить на свежем воздухе. Никаких эксцессов и выдающихся правонарушений, за малым исключением, не имело места. Благоприятствующая погода заставляла предполагать, что к концу дня количество гуляющих на кладбище увеличится» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 48. Д. 77. Л. 185).

28 марта 1932 г. с общиной Смоленского храма был заключен новый договор на пользование его зданием и имуществом (в этот же день заключили отдельный договор и с общиной часовни Ксении Блаженной). 5 июня 1932 г. двадцатка подала в церковный стол райисполкома заявление двадцатки об изъятии пяти «излишних» колоколов, и 17 августа 1933 г. четыре колокола были изъяты. В соответствии с постановлением Президиума Ленсовета от 17 августа их использовали для устройства

курантов в Петропавловской крепости (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 35–41; Ф. 1000. Оп. 50. Д. 27. Л. 18–19, 27).

Еще на рубеже 1927–1928 гг. в Русской Православной Церкви произошло трагическое разделение. В конце декабря 1927 г. кафедральный собор Ленинградской епархии Воскресения Христова («Спас-на-Крови») стал главным храмом возникшего иосифлянского движения (т. н. Истинно-Православной Церкви). Участники этого движения, получившие свое название по имени Ленинградского митрополита Иосифа (Петровых), фактически отделились от большей части Патриаршей Церкви, возглавляемой заместителем местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергием (Страгородским), не признав его компромиссов с советской властью.

Из «тихоновских» священников, служивших на Смоленском кладбище, к иосифлянам в 1929 г. присоединился только прот. Алексей Западалов. Однако у него было много духовных детей, которые последовали за своим пастырем. Отец Алексей совершал молебны и панихиды на Смоленском кладбище вплоть до своего ареста 4 октября 1932 г. по делу «контрреволюционной монархической церковной организации истинно-православных». В апреле 1932 г. на Смоленском кладбище была похоронена убежденная иосифлянка, скончавшаяся в тюремной больнице преподобномученица схимон. Мария Гатчинская, могила которой стала пользоваться большим почитанием верующих [Православная Русь, 1996, 18].

Смоленское кладбище было закрыто для погребений «из-за отсутствия мест» 10 декабря 1931 г., но отдельные захоронения, в том числе священнослужителей, на нем проводились. Так, в марте 1934 г. на кладбище был похоронен новомученик прот. Владимир Александрович Рыбаков, в 1935 г. — обновленческий «митрополит Ленинградский» Серафим (Руженцев), а в марте 1938 г. — многолетний настоятель храмов Смоленского кладбища прот. Николай Триодин.

На основании закрытия Смоленского кладбища для погребений Ленсовет в 1936 г. решил передать один гектар его территории соседнему заводу для строительства яслей. Отдел здравоохранения, одобряя эту идею, в письме от 20 ноября 1936 г. указывал: «Основная территория б. Смоленского кладбища в настоящее время находится в беспризорном состоянии, хотя по сторонам этой территории находятся старые и новые жилые дома. Считая такое положение совершенно недопустимым, Госсанинспекция настаивает, чтобы в 1937 году территория б. Смоленского кладбища была распланирована со сносом могил и остатков памятников, благоустроена и использована под сад общего пользования» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 261. Л. 81; Д. 262. Л. 109).

Таким образом, нависла угроза уничтожения всего Смоленского кладбища. К началу 1930-х гг. на нем еще сохранялось большое количество могил выдающихся ученых, государственных и общественных деятелей, мастеров искусства, священнослужителей. Однако устройство из кладбища «сада общего пользования» казалось советским властям вполне допустимым. Поскольку в Ленинграде в это время создавался музей-некрополь на кладбищах Александро-Невской лавры и Литераторских мостках на Волковом кладбище, возникла идея переноса исторических захоронений в этот музей [Пирожков, Кобак, Пирютко, 1993, 244].

Еще в начале 1925 г. в музей общества «Старый Петербург», размещавшийся в Волховском переулке, доставили со Смоленского кладбища ряд бронзовых и мраморных скульптурных деталей надгробий. К сожалению, через год из-за финансовых затруднений общество потеряло свой дом и все имущество. Некоторые бюсты со Смоленского кладбища в 1930 г. через «бронзолитейную художественную мастерскую Главнауки» попали в Русский музей, но судьба многих других остается неизвестной. В 1931 г. начался новый этап вывоза надгробных памятников и скульптурных деталей, на этот раз в музей-некрополь. Всего с 24 марта по 30 декабря 1931 г. со Смоленского кладбища было перенесено 27 памятников или их частей [Пирожков, Кобак, Пирютко, 1993, 244].

В это же время было решено не только перевозить памятники, но и проводить перезахоронение выдающихся людей. Первыми в 1931 г. перезахоронили прах поэсссы

Елизаветы Кульман, скульпторов М. И. Козловского и Ф. И. Шубина. В дальнейшем со Смоленского кладбища (в основном в Некрополь мастеров искусств) были перезахоронены: архитектор А. Д. Захаров, скульпторы И. П. Мартос, Б. И. Орловский, С. С. и Н. С. Пименовы, В. И. Демут-Малиновский, П. П. Соколов, Ф. Ф. Шедрин, художники В. Л. Боровиковский, А. Е. Егоров, А. Г. Варнек, П. А. Федотов, М. Н. Воробьев, Н. И. Уткин, К. Д. Флавицкий, И. Н. Крамской, И. И. Шишкин, артисты В. Н. Асенкова, Н. О. Дюр, Е. И. Колосова, А. Е. Мартынов, В. А. Каратыгин, композиторы Д. С. Бортнянский, К. Н. Лядов, драматург Я. Б. Княжнин с женой, баснописец А. Е. Измайлов, поэт А. С. Хвостов и др. При этом переносы фактически не коснулись деятелей науки, хотя такой план существовал. Его осуществлению, вероятно, помешала вскоре начавшаяся Великая Отечественная война. В 1938 г. Смоленское кладбище было окончательно закрыто для погребений, однако, к счастью, оно сохранилось. В этой связи проведенная кампания насильственного перезахоронения была бессмысленной [Пирожков, Кобак, Пирютко, 1993, 245].

Во 2-й пол. 1930-х гг. советская религиозная политика еще более ужесточилась. В декабре 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Киров. Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, но особенно пострадали духовенство и верующие. В марте-апреле 1935 г. в Ленинграде произошло массовое выселение «чуждого населения» — т. н. Кировский поток. На совещании районных инспекторов по вопросам культов от 21 марта 1935 г. им были даны указания о проведении массовой «чистки» среди клириков (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112. Л. 2–3). Эта акция напрямую затронула и духовенство Смоленского кладбища.

В феврале 1935 г. на кладбище служили шесть священников Московского Патриархата без храма, а после высылки их осталось двое. Власти выслали протт. Алексия Кляровского, Димитрия Георгиевского, Симеона Никиташина и Анатолия Пенкина. Большая часть из удаленных священнослужителей была выслана в административном порядке в Поволжье или Среднюю Азию с помощью милиции, а некоторые — арестованы НКВД и приговорены к различным срокам наказания. В итоге на Смоленском кладбище осталось только два «тихоновских» протоиерея: Николай Триудин и Серафим Александрович Архангелов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112. Л. 23–32, 84–85).

Из служивших в храмах Смоленского кладбища обновленцев выслали в административном порядке трех протоиереев: Николая Алексева (в Петрозаводск), Павла Фруктовского (в Старую Руссу) и Николая Соболева (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112. Л. 5–11). Все они, в отличие от «тихоновцев», в течение пары лет снова смогли вернуться в Ленинград. Лишь прот. Константин Банников был арестован 10 марта 1935 г., 17 марта осужден Особым совещанием при НКВД СССР «как социально-опасный элемент» на 5 лет ссылки и выслан в Астрахань, где позднее и погиб [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 94]. Из членов обновленческого причта были оставлены служить протт. Алексей Абакумов, Иоанн Громов, Александр Сеницын, протоиакк. Иоанн Порожецкий, Фома Попсуевич и диак. Гавриил Васильев.

Уже в следующем, 1936 г. стали предприниматься попытки закрыть Смоленскую церковь. 19 октября культинспекция Свердловского района отправила в президиум райсовета ходатайство о передаче ей церковного здания. Это обращение активно поддержал районный инспектор по делам культов А. П. Белов, который направил в сектор административного надзора Ленсовета соответствующую записку: «Учитывая, что Свердловский район является специфичным и имеет чрезвычайную нуждаемость в помещениях, считал бы необходимым: церковь закрыть, здание передать в ведение Районного Совета под антирелигиозные цели районного масштаба». Инспектор отмечал, что здание церкви якобы «не имеет ни художественной, ни архитектурной ценности». Искжая реальные факты, Белов также писал, что доходность общины «чрезвычайно ничтожна», поэтому нет гарантии в проведении капитального ремонта двадцаткой, в подвале храма разрушены бывшие склепы, частично хранятся дрова, песок и т. п. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 49–50).

25 октября 1936 г. партийная группа при президиуме райсовета на своем заседании решила возбудить ходатайство о закрытии церкви и передаче ее здания «под антирелигиозную библиотеку с лекторским залом». Через несколько дней секретарь Свердловского райсовета отправил в Президиум Ленсовета докладную записку с обоснованием причин закрытия Смоленской церкви: наличие просьб трудящихся об этом в наказе Ленсовету, возведение поблизости, на Камской ул., школы, возможность использования общиной еще действовавшей часовни Ксении Блаженной и т.д. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 51–52). Однако в это время община смогла отстоять церковь.

Утверждения советских властей о низкой доходности опровергаются отчетными данными двадцатки. Так, за I квартал 1937 г. ее доходы составили 23320 руб., а расходы — 10796, остаток же денежных средств к 1 октября равнялся 53073 руб. В справке о состоянии религиозного общества Смоленской церкви и деятельности ее исполнительного органа от 19 мая 1937 г. говорилось, что на сберкнижке хранится 31 тыс. руб., в двадцатке состоит 28 человек во главе с председателем конторщиком Смоленского кладбища П. Ф. Горячевым (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 10, 93).

Несмотря на ожесточенные гонения на верующих, росло число совершаемых в церкви треб. Так, в 1936 г. было совершенно 3016 отпеваний, 322 крещения и 0 венчаний, а в 1937 г. — 3661 отпевание, 484 крещения и 5 венчаний. В Смоленской церкви регулярно совершали богослужения обновленческие «архиереи». К примеру, 9 августа 1936 г., накануне престольного праздника, всенощную в ней служил «митрополит Ленинградский» Николай Платонов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 75, 88, 94).

В часовне Ксении Блаженной за I квартал 1937 г. доходы составили 17600 руб., а расходы — 11 тыс., остаток же денежных средств равнялся 20500 руб. В справке о состоянии религиозного общества часовни и деятельности ее исполнительного органа от 19 мая 1937 г. говорилось, что на сберкнижке хранится 25 тыс. руб., в двадцатке состоит 29 человек во главе с председателем портнихой П. И. Гончаровой (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 1–4).

В часовне в это время служили прот. Иоанн Громов (настоятель) и свящ. Гавриил Васильев. В Смоленской церкви во 2-й пол. 1937 г. служили: настоятель прот. Алексей Абакумов, свящ. Фома Попсуевич и переведенный в нее 18 мая 1935 г. из Екатерининской церкви протоиерей Сергей Невский (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 5, 97, 143–144).

«Большой террор» 1937–1938 гг. самым непосредственным образом затронул общину Смоленского кладбища. Так, 9 декабря 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности и агитации был арестован член причта Смоленской церкви свящ. Фома Попсуевич. 10 января 1938 г. он был приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР к высшей мере наказания, 15 января расстрелян и похоронен на Левашевской пустоши [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 345]. Вместе с ним осудили и несколько прихожан. Вернувшийся из высылки в Ленинград и служивший в Спасо-Преображенском соборе прот. Николай Соболев был расстрелян в Ленинграде 12 марта 1938 г. Высланный в 1935 г. в Поволжье прот. Константин Банников расстрелян 8 марта 1938 г. в Сталинградской области [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 94, 391].

Протоиерей Серафим Архангелов к 1937 г. служил в церкви св. прав. Иова на Волковом кладбище, он был арестован 18 октября и расстрелян 14 декабря 1937 г. [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 89]. Неоднократно упоминавшийся прот. Алексей Запаладов расстрелян 10 июля 1938 г. в Свириале. Престарелый прот. Николай Триодин последним из канонического духовенства совершал молебны и требы на Смоленском кладбище до своей кончины 11 марта 1938 г., он похоронен там же вблизи могилы жены.

В январе 1938 г. после кратковременного ареста «митрополит Ленинградский» Николай Платонов снял с себя сан, отрекся от веры и стал работать антирелигиозным сотрудником в Музее истории религии (в период блокады, накануне голодной

смерти, он принес покаяние в Николо-Богоявленском соборе). В этой ситуации временно управляющим Ленинградской обновленческой епархией стал возведенный в сан протопресвитера Алексей Абакумов, сохранивший и пост настоятеля Смоленской церкви.

12 марта 1938 г. по болезни оставил службу в храме протодиак. Сергей Невский. Вместо него двадцатка в тот же день просила власти зарегистрировать назначенного в Смоленскую церковь протодиак. Иоанна Параусицкого, но получила отказ. Взамен в состав причта 10 мая 1938 г. был принят переведенный из закрытого Андреевского собора архидиак. Симеон Верзилов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 169, 180).

Весной 1938 г. в Смоленскую церковь передали чудотворный Казанский образ Божией Матери. После закрытия в 1932 г. обновленческого кафедрального Казанского собора он пребывал сначала в Спасо-Успенском Сенновском, а затем в Андреевском соборах.

В это время нависла угроза над часовней Ксении Блаженной. 5 июня 1938 г. начальник управления благоустройства Ленсовета Ларионов написал заявление председателю Ленсовета А. Н. Петровскому о необходимости ее срочной ликвидации: «Настоящая часовня может служить не только предметом распространения религии, а пунктом организации сборищ контрреволюционных и шпионских организаций, ибо в этих записках трудно разобраться, кто их пишет, и что это значит. Весь материал по этому вопросу передан в органы НКВД, но Управление благоустройства в свою очередь считает — эту часовню немедленно ликвидировать». К заявлению было приложено около 20 записок верующих, собранных Ларионовым 25 мая у часовни, в основном самого невинного с политической точки зрения содержания. Почти половина из них содержала просьбы учащихся помочь перейти в следующий класс, например: «Раба божья Ксения Блаженная, помоги мне сдать испытания и не получить плохо и перейти в 6 класс. Боровик Галя». Резолюция А. Н. Петровского была краткой: «Поручить Райсовету закрыть часовню» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 50. Л. 140–141в).

15 августа того же года и отделение административного надзора Свердловского райсовета написало в сектор административного надзора Ленсовета об объединении двадцаток церкви Божией Матери Смоленской и часовни Ксении Блаженной, что было нарушением постановления ВЦИК и Совнаркома, и необходимости в связи с этим закрыть часовню (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 50. Л. 158).

10 сентября 1939 г. старый коммунист, работник Леноблпотребсоюза С. Е. Максимов подал заявление секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову о надписях на стенах часовни Ксении Блаженной, в котором говорилось: «С Октябрьской революции прошло 22 года... мощи святых вскрыты, и что они из себя представляют показано населению нашей страны, но кроме старых мощей есть и вновь созданные, так на Смоленском кладбище (Васильевский остров, где имеются два районных комитета) похоронена некая Ксения под названием Блаженная, над могилой последней выстроена часовня и с раннего утра и до позднего вечера происходят молебствия, к часовне создано паломничество, стены часовни покрыты надписями следующих содержания: „Дорогая Ксения Блаженная, помоги стать учительницей“, „сдать зачеты“, „поступить в ВУЗ“, „поступить в техникум“, „помоги избавиться от двойки“, „помоги, чтобы Костя любил и в семейной жизни было хорошо“, „умилосерди сердце прокурора“ и т. д. Даже встречается надпись: „Дорогая Ксения Блаженная, помоги сдать зачет по истории партии“. Надписи, тов. Кузнецов, говорят сами за себя и требуют соответствующих выводов...» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 188).

К заявлению была приложена справка заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации горкома ВКП(б) Шумилова от 30 ноября о необходимости закрыть часовню, в которой отмечалось: «Народу ходит очень много, служба в ней идет целый день почти без перерыва, фанатиков и кликуш вокруг этих очагов мракобесия собралось много. Несомненно, что там ведется и контрреволюционная работа». В резолюции Кузнецова от 1 декабря говорилось: «Т. Попков [председатель Ленсовета]. Часовню безусловно нужно закрыть» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 187).

После этого судьба часовни была predeterminedena, однако верующим своей борьбой удалось почти на год отсрочить ее закрытие. 17 августа 1940 г. Ленгорисполком принял постановление о закрытии Смоленской церкви в связи с тем, что кладбище закрыто для захоронений с 1938 г., и о передаче здания в распоряжение Свердловского райисполкома, причем часовню Ксении Блаженной, «фактически не функционирующую больше года» (что было ложью), снести в месячный срок (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 184). Акт закрытия и передачи имущества в Госфонд был подписан 2 сентября, при этом 14665 руб. наличными и 80368 руб. на сберкнижке сдали райфинотделу. 13 и 30 сентября власти выдали доверенности представителям Свердловского райпромкомбината и обувно-галантерейной фабрики на прием здания церкви, в котором планировалось устроить обувной и лакировочный цеха (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 185, 189).

Внутреннее убранство Смоленского храма было практически полностью уничтожено. Церковные предметы из цветного металла (ризы, паникадила, подсвечники и т.п.) были превращены в лом и сданы во Вторцветмет. «Ликвидацией» церковного имущества руководила лично инспектор по делам культов Ленгорисполкома А. В. Татаринцева, причем почти все иконы она отправила на утилизационный завод, а образ с изображением Ксении Блаженной уничтожила лично. Это вызвало возмущение у музейных работников, и Татаринцевой пришлось оправдываться.

В ее объяснительной записке в общий отдел Ленгорисполкома от 3 октября 1940 г. говорилось: «По ликвидации Смоленской церкви имущество, имеющееся в церкви, распределено следующим образом: Весь цветной металл, в том числе ризы с икон пошли в лом и соответствующая организация (Вторцветмет) забирает на свои базы. Кроме того, такой материал как подсвечники, паникадило, ризы с икон и священные паникадила вряд ли могут иметь музейную ценность и антирелигиозное значение... Совершенно правильно, что все облачения отправлены в Москву на специальный завод для выплавки из них серебра и золота... Иконы мною были отправлены на ЛУЗ частично с золоченкой, частично как дрова, чтобы не жечь их самой, сидя в здании культа... Считаю, что с моей стороны в этом случае была одна ошибка — это та, что я их не пригласила на ликвидацию этой церкви, но и они виноваты в том, что не удосужились до сих пор иметь описи своего имущества в церквях... Вряд ли икона Ксении Блаженной, которую я уничтожила, могла музею помочь в антирелигиозной работе... Каждый же гражданин не должен знать, что и как мы ликвидируем здания культа, а я, надо думать, отчет ему в своих действиях и работах давать не обязана, тем более, что гр. Томасевич бывший работник музея, живущий рядом с ликвидированной церковью» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 66. Л. 194–194 об.).

Уцелела лишь одна икона Смоленской церкви — чудотворный Казанский образ Божией Матери. Благодаря ходатайству митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) главная православная святыня города на Неве была передана из «обновленческого плена» в кафедральный Князь-Владимирский собор митрополии. Это была большая победа Московской Патриархии, так как до этого почти 20 лет, начиная с 1922 г., Казанский образ Божией Матери находился в обновленческих храмах.

2 октября 1940 г. председатель приходского совета храма И. М. Куракин написал в сектор административного надзора Ленсовета: «Двадцатка собора Кн. Владимира настоящим ставит Вас в известность, что 2/IX 1940 г. в означенный собор привезена икона Б. М. Казанской (бывш. Казанского собора) со Смоленского кладбища, которая внесена в опись церковного имущества Кн. Владимирского собора под № 802» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 209. Л. 123). Именно в Князь-Владимирском соборе икона оберегала в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и блокады город св. ап. Петра и всю Русскую землю.

Вскоре после закрытия Смоленской церкви служивший в ней обновленческий архидиак. Симеон Верзилов был воссоединен с Московским Патриархатом в сане протодиакона. Митрополит Алексей назначил его служить в Князь-Владимирский собор, при котором в то время жил сам. Два других священнослужителя Смоленской церкви —

временно управлявший Ленинградской обновленческой епархией протопр. Алексей Абакумов и прот. Иоанн Громов, в сентябре 1940 г. были приняты в состав причта Спасо-Преображенского собора, при этом о. Алексия назначили настоятелем этого храма [Шкаровский, 2005, 583].

К закрытой 2 сентября 1940 г. вместе со Смоленским храмом часовне Ксении Блаженной по-прежнему приходили с молитвами верующие, оставлявшие многочисленные записки. По молитвам Ксении Петербургской и верных почитателей блаженной часовня сохранилась: постановление о ее сносе в месячный срок не выполнили. 3 января 1941 г. опросом членов Ленгорисполкома было принято решение часовню Ксении Блаженной не сносить, а предоставить под мастерскую художников-скульпторов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 76. Л. 103). При этом мощи св. Ксении Петербургской сохранились в часовне под спудом (под землей).

Таким образом, в ходе антирелигиозных гонений 1930-х гг. были закрыты все храмы Смоленского кладбища, в начале десятилетия — Воскресенская и в дальнейшем снесенная Троицкая церкви, а Смоленская церковь и часовня Ксении Блаженной оказались закрыты одними из последних в городе — в сентябре 1940 г. Возобновление церковной жизни на Смоленском кладбище произошло после окончания Великой Отечественной войны, в годы которой существенно изменилась советская религиозная политика. Уже в 1946 г. советские власти оказались вынуждены разрешить открытие и возвращение верующим Смоленской церкви и часовни Ксении Блаженной, что объяснялось их особым почитанием в Северной столице. При этом Смоленская церковь оказалась одной из двух открытых в Ленинграде в послевоенный период храмов.

Источники и литература

1. АУФСБ СПб ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-10202; Д. П-82582.
2. Бовкало (1998) — *Бовкало А. А.* Последний год существования Петроградского Богословского института // *Минувшее*. СПб., 1998. Вып. 24. С. 538–552.
3. Большакова (2009) — *Большакова С. Е.* Под покровом Смоленской иконы Божией Матери. Церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери. Храмы Смоленского кладбища. Часовня святой Блаженной Ксении Петербургской. СПб., 2009.
4. Пирожков, Кобак, Пирютко (1993) — *Пирожков Г. В., Кобак А. В., Пирютко Ю. М.* Смоленское православное кладбище // *Исторические кладбища Петербурга*. СПб., 1993. С. 234–256.
5. Православная Русь (1996) — *Православная Русь*. 1996. № 9.
6. Санкт-Петербургский мартиролог (2017) — *Санкт-Петербургский мартиролог*. СПб., 2017.
7. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 571. Оп. 1. Д. 10; Д. 32; Д. 47; Д. 48; Ф. 1000. Оп. 9. Д. 96; Оп. 48. Д. 77; Оп. 51. Д. 35; Оп. 66. Д. 117; Оп. 91. Д. 19; Ф. 1001. Оп. 7. Д. 22; Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20; Оп. 18. Д. 261; Д. 262; Оп. 25. Д. 194; Оп. 33. Д. 50; Д. 66; Д. 67; Д. 76; Д. 85; Д. 112; Д. 209.
8. Шкаровский (2005) — *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. СПб., 2005.